

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОБОСНОВАНИЯ СИМВОЛА «НАРОДНОГО ГЕРОЯ» В СИСТЕМЕ КООРДИНАТ КУЛЬТУРЫ

Ромах О.В., Аксенов Ф.О.

*ФБГОУ ВПО Тамбовский государственный университет им Г.Р. Державина, Тамбов,
e-mail: hamor22@yandex.ru*

Основной задачей статьи было изучение антропологического обоснования символа «народного героя» в системе координат культуры. В результате этого, сама культура была проанализирована с позиций Л. Уайта, Шварца, В. Венедикта, М.Мид, Боаса и др., что позволило изучить опытно-процессуальные конструкты, основанные на эмоционально-психологических составляющих. Было выявлено, что народный герой выступает как некая структура ментальных компонентов, под которыми понимаются иерархии культурных конструктов, одни из которых составляют ядро культуры и присущи всем ее носителям, другие присущи определенным стратам. Это особенно важно сейчас, когда современная экранная культура нуждается в глубоком осмыслении происходящих в массовой культуре процессов, в том числе, исследовании того, каков функционирование народного героя в системе координат психоанализа и антропологии.

Ключевые слова: культура, герой, экран, кино, философия, отечество, народ, психоанализ, антропология.

ANTHROPOLOGICAL JUSTIFICATION OF THE CHARACTER «NATIONAL HERO» IN THE COORDINATE SYSTEM OF CULTURE

Romakh O.V., Aksenov F.O.

The Tambov state university of G.R. Derzhavin, Tambov, e-mail: hamor22@yandex.ru

The relevance of the article. The main task of the article was to study anthropology justification of the character «national hero» in the coordinate system of culture. As a result, the culture was analysed from the positions of HP white, Schwartz, C. Benedict, Margaret Mead developed, Boaca etc. that allowed us to study experimental-procedural construct, based on the emotional and psychological components. It was revealed that the national hero acts as a kind of mental structure components, which are defined as a hierarchy of cultural constructs, some of which constitute the core of culture and inherent to all of its carriers, others have certain strata. This is especially important now, when the modern screen culture requires deep thought occurring in mass culture processes, including the study of what the functioning of a national hero in the coordinate system of psychoanalysis and anthropology.

Keywords: culture, hero, screen, film, philosophy, Motherland, the people, psychoanalysis, anthropology.

Предваряя статью, отметим, что вопросы, поднимаемые в ее названии, так или иначе, исследовались в других областях научного знания. Так, символизация роли народного героя в системе координат культуры и психоантропологии рассматривалась Уайтом, который использовал опытно-процессуальные конструкты, сопряженные с эмоциональными и мотивационными составляющими. Культура у Уайта объясняется через психологические категории: символы и культурные значения объективированной культуры проистекают из психологии. В результате ученый делает вывод, что психологическая антропология воспринимает весь понятийный аппарат символической антропологии, давая ему психологическое переосмысление (1).

В контексте исследования необходимо также остановиться на работах Боаса, который указывал, что каждая культура имеет свой собственный уникальный путь развития. Однако он отвергал культурный релятивизм – рассмотрение каждой отдельной

культуры вне ее исторического контекста как и большинство этнологов первой трети нашего столетия. Современная этнопсихология полагает, что история развития и изменения различных культур поддается научному исследованию, а не покрыта непроницаемой завесой тайны.

Безусловной заслугой Боаса является утверждение о необходимости изучения культуры как некоей целостной системы, все компоненты которой социально связаны между собой, а заимствуемые элементы встраиваются в новый сложный культурный контекст. Рассматривая вопрос о культурном и народном герое, Боас (11) обращался к понятию бессознательного, утверждал, что источники культурных моделей не осознаются человеком и являют собой некую «внутреннюю иррациональность».

Важным представляется и утверждение, согласно которому культурные модели, детерминируя поведение человека, не обуславливают его целиком. Люди под их влиянием не ведут себя одинаково, но в поведе-

нии каждого из своих носителей культура преломляется особым образом. Это утверждение находит свое развитие в работах современных антропологов, таких как теория распределенности культуры или «деятельно-процессуальная модель культуры» Т. Шварца. По его мнению, связь культурного и народного героя с социальными процессами следует из утверждения о том, что культурные модели имеют динамическую силу, провоцируют людей к деятельности и тому или иному виду взаимодействия.

Впоследствии идеи Боаса развила Рут Бенедикт (12), который выдвинул идею о существовании некоего внутрикультурного интегратора. Интересно, что современные концепции этноса культуры применялись в более ограниченных рамках, чем это сделала Рут Бенедикт, этнос культуры, или центральная тема культуры, с точки зрения современной антропологии, не являлась внутрикультурным интегратором. В этом смысле работа Бенедикт была шагом вперед по отношению к Боасу, поскольку положила начало систематическим теоретическим поискам оснований функционирования этноса и тех психологических составляющих, одним из которых является понятие культурного и народного героя в фольклоре. Последние являлись и являются едиными для всех членов этнокультурной общности, определяя культурные модели, которые в процессе развития науки интерпретировались различным образом, но всегда оставались в центре внимания.

Стабильность и устойчивость культуры и ее составляющих подчеркивалась в работах Кребера, основной идеей которых была идея саморазвития моделей культуры. Об этом же писал Уайт, указывая на то, что культура имеет свои собственные закономерности функционирования и развития. Следует так же отметить трактовку Кребера понятия саморазвития культуры, а именно идеи о том, что модели культуры представляют собой некий «каркас», вокруг которого кристаллизуются различные культурные элементы.

Интересна и мысль о том, что существует «скрытая культура», которая регулирует характер взаимовлияния культур, принципы и механизмы заимствования культурных элементов. Последнее положение существенным образом проясняет заимствование сюжетов о культурных и народных героях в мировом фольклоре.

Народный герой в культуре описывается им как некая структура ментальных компонентов, под которыми понимаются иерархии культурных конструктов, одни из которых составляют ядро культуры и присущи

всем ее носителям, другие присущи тем или другим внутрикультурным группам. Причем понятие внутрикультурной группы не имеет формального ограничения, складывается на основе общности определенного опыта и может менять свои границы. Так, вместе с ученым, мы понимаем, что культурный и народный герой могут существовать на уровне этнической группы, а в то же время народный герой может присутствовать и во внутрикультурной группе, при этом, не совпадая с культурным.

Необходимо учитывать некоторые положения, которые поставили вопрос о сложной структуре человеческой личности, которая, собственно, и рождает как таковое понятие героя, и неоднозначном влиянии на нее культурных факторов. Важно понимать групповые различия в поведении, которые говорят о различиях в культуре, хотя сами по себе они мало что могут поведать нам о различиях в личности. Принимая символистскую концепцию культуры, он показывает, что антипсихологическая концепция, будучи проведенной последовательно, приводит нас к тому, что, изучая культуру, мы должны изучать и индивидов, ее носителей, и ее народных героев. Спиро показывает, как культурные значения, преломляясь в умах носителей культуры, пробуждают мысли, чувства и поступки. Подобным образом и личность влияет на культуру, используя ее как адаптивный механизм. В результате для нашего исследования важен вывод о том, что как культурный и народный герой заставляют изменяться культурное пространство вокруг себя, так и индивид формирует нового культурного и харизматического героя, обуславливая новый виток изменений культурного пространства (3).

Известно, что культура меняется по мере изменения социальной общности, носителя и среды его существования, если культурные черты перестают быть субъективно-значимыми для человека, они отмирают или сохраняются в виде деградирующих обычаев и ритуалов. Так же, если новый человеческий опыт становится общественно значимым, он приобретает культурное значение и становится культурным феноменом. В этом смысле, Спиро рассматривает культуру как когнитивную систему, состоящую из когнитивных формул, сама же когниция как процесс в его системе рассматривается как психологический феномен. Таким образом, каждое культурное значение, становясь объектом внимания индивида, расширяется, превращается в спектр значений, а семантическое значение преобразовывается в поле семантических значений.

Именно в целях ограничения поля таких значений Спиро использует термин Ричарда Шведера «культурные рамки», которые определяют совокупность культурно допустимых вариаций ментальных значений, сопряженных с тем или иным культурным значением. В целях соотнесения социального и личного Спиро разрабатывает систему отношений между культурными и личностными значениями, отыскивая константу для исследования личности, Спиро делает акцент на универсальности человеческой природы, желая показать, что законы мышления едины для человеческого рода и культуры, которая различается только в формах выражения единого содержания. Однако законы мышления и человеческой природы полностью переносятся на законы развития культуры и социума, что приводит к тому, что для Спиро разнообразие культурных форм возникает под влиянием использования культуры как адаптивного механизма.

Подчеркнем, что все это в конечном итоге приводит эту концепцию к приспособлению и человеческой адаптации. Однако можно интерпретировать его мысль по-другому: акцентировать внимание на том, что культура принципиально имеет структуру, обеспечивающую выполнение ей адаптивной функции и функционально сходных констант, которые в своей конкретной диспозиции и конкретных характеристиках варьируются от культуры к культуре, но по существу имеют строго определенную адаптивную нагрузку. Из рассуждений Спиро напрашивается вывод: культурный и народный герой несут в своих функциях адаптационную нагрузку к меняющимся условиям, но основные адаптационные механизмы в его функциях носят постоянный характер.

Мы считаем необходимым также остановиться на работах Ле Вина, где подчеркивается имплицитность культуры и личности, и уделяется внимание механизмам адаптации, о которых говорил Спиро. Ле Вин соотносит свое учение о культуре с символической антропологией, но не вступает с ним в дискуссию, а дополняет его, он соглашается со М. Спиро рассматривать культурные и психологические явления отдельно, но при условии, что признается их тесная взаимосвязь.

Отметим, что «широкое» определение личности является у Ле Вина культурно-психологическим, личность детерминирована извне культурными нормами, институтами и значениями, а личностными психологическими чертами. Личностная диспозиция

сама культурно-обусловлена, связана с ранним детским опытом, бессознательна и различна для представителей различных культур, но ведь именно в детском возрасте происходит основное знакомство с фольклорными культурными и народными героями, впоследствии определяя картину мира ребенка (3).

Известно, что понятие личности и ее формирование в различных культурах и культурных элементах, в том числе под воздействием роли культурных и народных героев, получило развитие в работах Джона Ингхейма. Он предлагает соотносить понятие «личность» с культурой и культурной схемой. Большинство его положений основываются на версии психоанализа Милани Кляин. В данном контексте важны идеи Роя Д'Андрада, который провел антропологическое исследование внутри когнитивной научной парадигмы и определил рамки для изучения личности как источника мыслей и действий. Ученый исследует проблему соотнесения личностного и социального, для чего он устанавливает связь между находящимися в сознании индивида культурными значимыми системами и внешними культурными феноменами (которые он предлагает именовать символами, чтобы не путать со значениями, являющимися ментальными феноменами). Подобные значения, являясь источником культуры, связаны с психологией человека, ибо помимо репрезентативных, обладают креативными, директивными и эвкативными функциями. На основе значимых систем люди в процессе коммуникации (обмена посланиями) выстраивают свой внешний мир, что в дальнейшем определяет развитие образов культурного и народного героев (5).

Ученый предлагает интересную систему, в которой показывает связь значимых систем с рядом систем: культурой как системой, личностью как системой, социумом как системой и «потокм материала», который еще включен в иные культурно значимые системы. В его концепции культура представлена как динамическая структура, связанная с социумом и накопленным человеческим опытом, которая изменяется вместе с изменением этого опыта. В процессе потери одними значимыми системами своей актуальности, другие значимые системы возникают и занимают место отмирающих.

Рой Д'Андрад уделяет также особое внимание адаптивной функции значений, которую он связывает с их репрезентативной функцией. По его мнению, человек представляет себе мир как бы в «адаптиро-

ванном» виде, приспосабливается к нему психологически, образ и функции культурного и народного героя психологически приспосабливает к себе человека, при этом, происходит и обратное взаимовлияние.

Размышляя о взаимовлиянии культурного и народного героев, их суммарного влияния на культуру, социум и накопленный человеческий опыт, необходимо обратиться к вечным «ценностям», которые во все времена приводили к победе над молчаливым большинством типичных для той или иной современности народных героев. Речь идет, конечно же, о Н. Макиавели, который разработал рекомендации, которые непременно приведут народного героя или того, кто возомнил себя им, к победе над неприятелем и процветанию себя в государстве. В частности, Н. Макиавели считал, что люди по сути своей неблагодарны и лживы, поэтому в целях сохранения власти государь должно уметь отступать от добродетели. Политика поведения успешного народного героя, по Н. Макиавели, должна быть долговременной, гибкой, она предполагает следующее поведение:

- человек, который хочет стать народным героем, жаждет власти над людьми и хочет управлять ими, не должен быть верным своему слову, если причины, побудившие дать его, в данный момент для героя не важны;

- не следует резко отказывать, но уметь прикрыть нарушенное обещание вежливой причиной;

- народный герой или претендент на эту роль должен уметь произвести впечатление добродетельного человека, но не обязательно быть им, демонстрируемые добродетели в этом ряду выделяются следующие: искренность, верность слову, милосердие, сострадание, благочестивость;

- в целях сохранения власти над толпой народного героя приемлемы любые средства, потому что «чернь» всегда преклоняется перед успехом, главное при этом сохранить видимость благих намерений.

Отметим, что основные концепции технологий поведений так называемых народных героев прежних времен были порождены буржуазными революциями, впоследствии подробно разработаны теоретически в начале XX в. Во многом, этому способствовало развитие рыночных отношений, следствием которых стала «мозаичная культура». Порожденный такой культурой, ориентированный на отношения «человек человеку – товар», человек массового сознания легко подвержен мифологическим воздействиям на его сознания умело жонглиру-

ющими традиционными и современными психотехнологиями народного героя.

Во многих странах было принято считать, что манипуляции сознанием масс – удел капитализма, однако так называемые «грязные технологии» управления сознанием десятилетиями прятались под маской «благих намерений». Любопытно, что с древних времен были распространены манипуляции массами тем или иным народным героем с помощью архетипов сознания (7).

Конец XX в. открыл светлую и ничем не перекрываемую дорогу подобным «коммуникативным воздействиям» на массы. Стали известны секретные лаборатории, в которых разрабатывались технологии управления толпами народными героями, проанализировав имеющуюся в этой области литературу, нетрудно найти в ней следующие «практики»:

- убеждение, что цель правящей власти и ее «народного лидера» – говорить только правду, потому что на фоне этой «правды» легко провести скрытый смысл;

- возвращение у народа чувства собственного величия, связанное с тем, что его развитие порождает снижение критического восприятия;

- подавление инакомыслия: объявление тех, кто имеет собственное, отличающееся от «общепринятого» народным героем мнения, «врагами народа»;

- безграничное восхваление народного героя, авторитет которого непререкаем;

- утверждение и повторение, которые способны превратить чужое утверждение в навязчивую идею, которая возникает якобы логическим путем у практически каждого человека, существующего в системе координат массового сознания.

Безусловно, всему этому способствовала и культура, в особенности массовая, которую во времена ей современные не принято назвать деформирующей сознание масс, но которая всегда сохраняла «лучшие» традиции подавления человека тем или иным народным героем. Телесериалы, глянецовые журналы давали и дают целый набор вариантов «народных героев и действий, ими совершаемых. Так, Ромах О.В. отмечает в качестве подобного:

- разделение мира на «своих» и «чужих», «друзей» и «врагов», которые непременно должны быть уничтожены;

- утаивание и искажение информации;

- придумывание ложных результатов, которыми народ под руководством своего героя мог бы гордиться;

- сенсационность, которая повышает уровень массовой тревожности;

- негативная информация и угроза (8-10).

Подчеркнем, что ловкость жонглирования мифологическими приемами теми, кто хочет претендовать на роль народных героев, заключает в себе ловкость сознания при управлении людьми как вещами, которая базируется, конечно же, на открытиях психологии и психоанализа, иногда имеющих разрушительное для культуры значение. Умение сфокусировать внимание толпы, перемещая его и концентрируя в нужном направлении, создавать определенные иллюзии восприятия, а также знание психологии восприятия, стереотипов мышления позволяли реализовать свою мечту стать народным героям некоторым из тех, кто вряд ли этого «звания» достоин.

Подобные принципы используют современные претенденты в народные герои сегодня: жонглируют стереотипами, меняя их в том или ином направлении; фокусируют, а затем управляют вниманием и желаниями; программируют мнения и установки масс; управляют психическим состоянием в целях обеспечения выгодного для себя результата. Более подробные исследования намеченных выше вопросов важны для отечественной культуры и философии.

Список литературы

1. Алексеев В.П. Историческая антропология и этногенез. – М., 1989. – С. 314.
2. Альбедиль М.Ф. В магическом круге мифов. – СПб., 2002. – С. 386.
3. Ардзинба В.Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. – М., 1982. – С. 217.
4. Белик А.А. Психологическая антропология: некоторые итоги развития. – М., 1983. – С. 352.
5. Бромлей Б.В. Очерки теории этноса. – М., 1983. – С. 164.
6. Вейгле М. Мифология индейцев Юго-Запада США // Женщины в легендах и мифах. – М.: Крон-пресс, 1998. – С. 431-463.
7. Леви-Стросс К. Структурная антропология. – М., 1985. – С. 335.
8. Ромах О.В. Культурология. Теория культуры. – Т., 2006.
9. Ромах О.В., Попова Л.О., Феномен телевизионных сериалов в современной массовой культуре // Аналитика культурологии. – 2008. – № 3. – С. 235-239.
10. Ромах О.В., Слепцова А. Потребительский сектор глянцевого журнала // Аналитика культурологии. – 2009. – № 2. – С. 125-134.
11. Lesser A. Franz Boas and Modernization of Aantfropology. In: History, Evolution, and the Concept of Culture. – New York, 1985. – P. 15.
12. Benedict R. Patterns of Cultur. Boston and New York: Hough Mifflin Companton y. – 1934. – P. 228.